

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Еп. Иоанн (Соколов)

Мысли о Лице Иисуса Христа

Опубликовано:

Христианское чтение. 1875. № 8. С. 149-185.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

О ЛИЦѢ ИСУСА ХРИСТА:

МЫСЛИ ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННА,

ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО,

бывшаго ректора и профессора догматики въ нашей академіи.

VII.

Послѣ избранія апостоловъ, Иисусъ Христосъ говорилъ нагорную бесѣду. Эту бесѣду правильнѣе назвать общечеловѣческой, потому что въ ней излагается общечеловѣческая нравственность. Содержаніе этой бесѣды извѣстно. Въ пей Иисусъ Христосъ даетъ понятіе о томъ, что должно называть добродѣтельною человѣка:—Онъ выражаетъ это въ формѣ *ублаженія* людей смиренныхъ, нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ правды и гонимыхъ за правду, милостивыхъ, миръ творящихъ и съ чистымъ сердцемъ (Мте. V, 1—13). Съ перваго раза уже видно, что эта мораль выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ человѣческихъ ученій; до Него никто не говорилъ объ *ублаженіи* людей смиренныхъ, униженныхъ обществомъ и гонимыхъ. Съ понятіемъ о добродѣтели обладавшіе въ то время высшимъ развитіемъ народы — греки и римляне представляли всегда поступокъ, который самъ по себѣ уже носилъ элементъ славы и доблести, какъ подтверждаютъ самыя названія у нихъ добродѣтели, — *ἀρετή* и *virtu* значать и добродѣтель и гражданская доблесть. Далѣе, не-

обыкновенность этой бесѣды содержится и въ томъ, что Иисусъ Христосъ, какъ видимъ, перечисляетъ виды добродѣтели не исключительно изъ жизни общественной, гражданской; у Него человѣкъ разсматривается не только какъ гражданское общество, или какъ принадлежность этого общества, напротивъ въ этой бесѣдѣ Христосъ обращается почти исключительно къ внутренней жизни человѣка, къ глубинѣ его духа. Здѣсь Онъ находитъ почву для укорененія и развитія христіанскихъ добродѣтелей. Мало этого, эту почву Онъ представляетъ не въ возвышенномъ, а униженномъ видѣ, и когда эту почву міръ нравственный переноситъ во внѣшній міръ, здѣсь Онъ не соединяетъ добродѣтели съ счастьемъ и славой, но указываетъ ее въ несчастномъ и страдальческомъ видѣ, такъ какъ здѣсь—въ мірѣ человѣкъ не самостоятельно и не свободно, не самъ собою развиваетъ въ себѣ добродѣтель, а въ борьбѣ съ обстоятельствами и при непрерывномъ перенесеніи страданій. И такое ученіе Иисуса Христа о добродѣтели по своему характеру вполне соотвѣтствуетъ Его личному призванію, по которому Онъ пришолъ *исцѣлѣти сокрушенныя сердцема, проповѣдати плыннымъ отпущеніе и слынымъ прозрѣніе* (Лук. IV, 18), *исцѣлѣти всякъ недугъ и всяку язю въ людеахъ* (Мтѣ. IV, 23). Но какъ ни необыкновеннымъ можетъ казаться это ученіе, тѣмъ не менѣе внимательное разсмотрѣніе его должно показать, что въ основѣ такого ученія лежитъ чистая истина: моральная, свойственная человѣку, жизнь именно такова, и нельзя иначе представлять ее, какъ въ такомъ видѣ, въ какомъ Онъ представляетъ ее здѣсь. Иисусъ Христосъ обращается къ духу человѣка, въ немъ указываетъ корень добродѣтели; никакое опредѣленіе, сообщаемое соваѣ, не укоренитъ ее, если не будетъ ея основанія въ человѣческомъ духѣ. Потому мы замѣчаемъ, что Иисусъ Христосъ относитъ къ разряду добродѣтелей по преимуществу кротость, смиреніе и нищету духовную. И это какъ ни можетъ казаться страннымъ, но такъ должно быть. Извѣстно по общечеловѣческому опыту, что жизнь наша въ своемъ цѣломъ со-

ставъ есть одна непрерывная борьба силъ и стремленій въ насъ самихъ, борьба съ внѣшнею обстановкою, со всѣмъ, что сопровождаетъ насъ отъ колыбели до могилы. Слѣдовательно и добродѣтель истинная должна быть отпечаткомъ этой борьбы, должна быть сама по себѣ подвигомъ, подвигомъ свободнымъ или борьбой. А отсюда, естественно, она получаетъ характеръ стѣсненный, трудный, неблестящій; стало быть по необходимости крогкій и смиренный. Добродѣтель по внѣшности своей какъ бы ни казалась блестящею, но безъ этого характера она не есть истинная, потому что для такой добродѣтели, блестящей, нѣтъ въ человѣкѣ почвы. Отсюда объясняется и то, почему Иисусъ Христосъ относить къ разряду добродѣтелей страдальческіе подвиги, ибо борьбу нельзя иначе представить, какъ въ формѣ большихъ или меньшихъ страданій. И какъ во внѣшней борьбѣ человѣка вся доблесть приписывается тому, кто одерживаетъ побѣду, а не тому, кто боролся и не выдержалъ борьбы, такъ точно и въ мірѣ нравственномъ, только борющійся до конца и поборающій получаетъ спасеніе. Впрочемъ, нужно цѣнить и самый подвигъ, потому что онъ есть тоже добродѣтель. Такимъ образомъ ученіе Иисуса Христа о нравственномъ достоинствѣ человѣка, его добродѣтеляхъ, совершенно соотвѣтствуетъ основнымъ идеямъ нравственнаго совершенства.

Можно предложить еще вопросъ: если добродѣтели, ублажаемая Христомъ, истинны сами по себѣ и нравственно-высоки, то какой плодъ отъ нихъ для міра? Если вся добродѣтель состоитъ въ вротости и смиреніи, плачѣ и страданіи, то такое ученіе не угрожаетъ ли остаться безплоднымъ для земной жизни человѣка? Что толку — только страдать и терпѣть? Этого рода добродѣтели; добродѣтели терпящія, заключаютъ въ себѣ необыкновенную силу. Никогда нельзя смотрѣть на нихъ въ человѣкѣ, какъ на одно отрицаніе, какъ только на одни страданія, — это нравственное состояніе заключаетъ въ себѣ огромную силу. Гдѣ человѣкъ борется до конца, тамъ сила. Даже если бы и падалъ человѣкъ, но на-

далъ не въ началѣ борьбы, а въ концѣ отъ изнеможенія, и въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на него, не какъ на безсиліе, а какъ на силу. Борьба есть такое явленіе, во время котораго сила сама себя необходимо проявляетъ и узнаетъ. Слѣдовательно нельзя думать, будто Іисусъ Христосъ обрекаетъ міръ на какое-то нравственное безсиліе, напротивъ Онъ вызываетъ и возвышаетъ моральныя силы человѣка. Даже больше можно сказать, самое нравственное возрожденіе человѣка было бы невозможно, если бы не предшествовала ему борьба; борьба и страданія неизбѣжно обуславливаютъ возрожденіе, подобно тому, какъ физическое рожденіе человѣка всегда предшествуется болѣзнями жены. Тѣмъ болѣе нельзя видѣть въ ублаженіи Христомъ смиренныхъ и терпящихъ призыва человечества къ нравственному безсилію, что Іисусъ Христосъ не просто одобряетъ страждущихъ, но обѣщаетъ имъ и положительную награду. И это не есть одно утѣшеніе, но обѣщаніе положительнаго удовлетворенія. Это удовлетвореніе относится не къ одному внѣшнему воздаянію на судѣ, но оно уже явилось съ пришествіемъ Христа на землю и проявляется теперь во всей жизни христіанства.

Если бы ублаженіе людей было только обѣщаніемъ, тогда не было бы опоры для страдальцевъ. Нельзя разумѣть подъ ублаженіемъ, какъ мы сказали, и одного удовлетворенія внѣшняго. Что же еще должно разумѣть подъ нимъ? Здѣсь указывается на чувство удовлетворенія въ самомъ духѣ, пропорціональное его страданіямъ и внутреннимъ потрясеніямъ. И это удовлетвореніе прежде всего явилось съ пришествіемъ Христа на землю въ высшемъ развитіи духовной жизни человѣка; это возвышеніе духа человѣческаго, эта свобода христіанская—вотъ что составляетъ удовлетвореніе. И это удовлетвореніе не есть что-нибудь законченное, принадлежащее одному только времени—первымъ днямъ или годамъ христіанства; нѣтъ, — оно развивается и расширяется постепенно вмѣстѣ съ самымъ христіанствомъ, ибо нужно, чтобы человѣкъ самъ выработывалъ его, нужно, чтобы человѣкъ самъ почер-

паль его изъ вѣдръ христіанства. И мы видимъ, что это удовлетвореніе не предположеніе, а дѣйствительная сила. Видимъ напр., какъ мученики, эти *смиранные*, въ борьбѣ съ язычествомъ утвердили христіанство, и какъ они сами нравственно, духовно овладѣли міромъ; видимъ, какъ кротость христіанская въ лицѣ людей, унижаемыхъ обществомъ, японныхъ правъ, кроткихъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, но тѣмъ не менѣе торжествовала и торжествуетъ, — эти люди дѣйствительно получаютъ наслѣдіе и на землѣ, т. е. права человѣческія и гражданскія. И если мы видимъ теперь только исполненіе сего, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какую борьбу человѣкъ долженъ былъ вести съ міромъ и какъ несокрушима сила христіанства. Видимъ, какъ оправдывается также самымъ дѣломъ и удовлетвореніе алчущихъ и жаждущихъ правды: съ христіанствомъ самое понятіе о правѣ болѣе и болѣе развивается и тѣмъ болѣе, что намъ положительно открыта высшая правда въ Евангеліи; намъ только остается сообразоваться съ нею. Если же мы и не видимъ полнаго достиженія ея, то это съ одной стороны показываетъ только всю широту откровенной правды, съ другой — то, какъ укоренилось въ человѣкѣ неправильное, языческое греко-римское понятіе о ней. За всѣмъ тѣмъ, въ этомъ ученіи Іисуса Христа, въ ублаженіи людей открывається тотъ весьма важный принципъ, который вѣ христіанства былъ не только неизвѣстнымъ, но и непонятнымъ; разумѣемъ поставленіе добродѣтели вѣ зависимости отъ вѣшняго міра. До христіанства добродѣтель стояла въ связи съ вѣшнимъ міромъ и судьба ея зависѣла отъ него. Возражаютъ, что человѣку несчастному нельзя быть счастливымъ; самое несчастіе, говорятъ, располагаетъ человѣка къ злу. Но это ложно, потому что опирается на ложное основаніи, — существо добродѣтели должно быть духовное, и слѣдовательно должно быть независимо отъ матеріальныхъ условій. Да и какаѣ добродѣтели тамъ, гдѣ человѣкъ опредѣляетъ свою дѣятельность вѣшними условіями? Такая добродѣтель не тверда, не возвышенна. Того человѣка нельзя назвать нравственно-

свободнымъ, котораго дѣятельность подчинена вѣншимъ условіямъ. И добродѣтель только та возвышенна, которая нравственно-свободна. Отсюда ясно, какъ ошибаются тѣ, которые добродѣтель поставляютъ въ зависимость отъ вѣнней жизни человѣка.

УІІІ.

Иисусъ Христосъ назвалъ блаженными плачущихъ, нищихъ духомъ и смиренныхъ. Возникаетъ новый вопросъ: если достоинство людей состоитъ въ страданіяхъ, то нужно-ли послѣ этого имѣть нравственный положительный законъ, нужно-ли давать правила, напр. плачущимъ, когда они блаженны уже потому, что плачутъ? Этотъ вопросъ предвидѣлъ самъ Иисусъ Христосъ, поэтому Онъ далѣе вслѣдъ за блаженствами и говоритъ: *да не мните, яко придохъ разорити законъ или пророки: не придохъ разорити, но исполнити* (Мто. V, 17). Слѣдовательно, законъ нравственный Моисеевъ долженъ оставаться во всей своей силѣ. Но другой вопросъ: какъ согласить съ этими условіями—плакать и страдать—самый законъ? Разсматривая законъ Моисеевъ, мы видимъ, что при всей его точности въ немъ есть недостатки: — онъ весь состоитъ изъ заповѣдей отрицательныхъ — *не сотвори себѣ кумира, не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй*. Очевидно, онъ не удовлетворителенъ, въ немъ нѣтъ положительнаго. Другой недостатокъ тотъ, что онъ касается преимущественно вѣнней жизни человѣка—общественной и церковной; но вѣдъ за этою областію скрывается необъятная область духа. Поэтому совершенный законодатель былъ бы тотъ, который, болѣе углубляясь въ жизнь внутреннюю, замѣчалъ бы въ ней самыя стремленія и уже по нимъ опредѣлялъ бы свои правила. Ещѣ нужно, чтобы онъ не поставлялъ человѣка только во вѣнніе предѣлы, а напротивъ далъ способы освободиться отъ оковъ вѣннихъ предписаній, не съ цѣлію разрушить ихъ, а съ цѣлію возвысить до ихъ духовнаго начала.

Законъ Моисеевъ нравственный неудовлетворителенъ, но какъ Самъ Иисусъ Христосъ смотрѣлъ на него и относился къ нему, — считаль-ли нужнымъ отмѣнить его, или вмѣсто этого далъ ему только новое приложеніе? Онъ пришлоу не разорить законъ, а исполнить, даже больше — изъ этого закона, Онъ Самъ высказалъ, ни одна черта не должна быть утрачена: *аминь глаголю вамъ: дождеже преидеть небо и земля, юта едина или едина черта не преидеть отъ закона, дождеже вся будутъ* (Мто. V, 18). Еще болѣе Онъ усиливаетъ значеніе Моисеева закона, когда говоритъ, — *если кто разорить едину малую заповѣдь этого закона и научитъ тако чело-вѣкка, мій наречетъ въ царствіи небесныхъ* (Мто. V, 19). Далѣе, прижбяясь къ обстоятельствамъ того времени, когда фарисеи и книжники придавали закону свой смыслъ, Онъ говоритъ: *чья праведность не превыситъ праведности ихъ, тѣ не вйдутъ въ царствіе небесное* (Мто. V, 20). Слѣдовательно Иисусъ Христосъ не намѣренъ былъ отмѣнять нравственный законъ Моисеевъ. Если же такъ, то какой смыслъ Онъ придалъ Моисееву закону?

Какой нравственный законъ нужно считать хорошимъ? Въ законѣ Моисеевомъ мы видимъ правила отрицательныя, виѣшнія, и не видимъ въ немъ задатковъ для нравственнаго развитія челоука, — правилъ, въ которыхъ челоука могъ бы найти для себя положительное руководство. Въ этомъ-то смыслѣ онъ и не могъ возстановить и спасти челоука, что ясно усматривается на народѣ еврейскомъ, — онъ остался неподвиженъ въ нравственномъ отношеніи при всѣхъ своихъ чудныхъ судьбахъ. Сравнивая нравственность до-христіанскую съ нравственностью христіанскою, мы можемъ опредѣлить, какой законъ можетъ назваться совершеннымъ. Это — законъ прежде всего *неотрицательный*. Давать отрицательныя правила — это все равно, что говорить напр. путешественнику: не ходи туда и туда, а куда? — не говорить. Этотъ законъ, далѣе, не долженъ быть виѣшнимъ, потому что главная и существенная жизнь наша есть внутренняя жизнь; виѣшній законъ только

раздвоить человѣка; внѣшнія предписанія даже хуже отрицательныхъ, потому что они только оболъщаютъ человѣка, обманываютъ, представляя ему внѣшнія картины жизни. Этотъ законъ не долженъ быть и однимъ гражданскимъ предписаніемъ, ибо общественная жизнь слагается изъ индивидуальностей, характеръ которыхъ прежде всего и должно руководить и воспитать. Хорошій законъ долженъ дать правила, которыя должны быть основой, сѣменемъ, которому должно возрасти въ человѣкѣ, онъ долженъ быть только пособіемъ, а не безусловнымъ правиломъ, котораго человѣкъ не можетъ преступить. Въ этомъ случаѣ знаменательны слова Иисуса Христа, высказанныя устами апостола Павла: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. I, 9). Когда человѣкъ до того возрастетъ духовно, что самъ становится указателемъ для своей нравственной жизни, ему законъ не нуженъ, какъ не нужна для учонаго грамматика. Наконецъ, хорошъ законъ тотъ, который долженъ сдѣлать человѣка свободнымъ, господиномъ своихъ поступковъ, сдѣлать, чтобы человѣкъ дѣлалъ добрыя дѣла не потому, что законъ ему предписываетъ, а самъ по себѣ.

Требуя такихъ условій отъ хорошаго закона, мы не можемъ ожидать, чтобы такое законодательство явилось отъ земли. Если же оно есть здѣсь, то оно должно быть по своему происхожденію вышечеловѣческое. Хорошій законодатель долженъ быть не только хорошимъ моралистомъ, но и хорошимъ философомъ и психологомъ, долженъ знать стремленія духа, чтобы дать ему удовлетворительный законъ; безъ этого условія, когда законъ не соотвѣтствуетъ внутренней природѣ человѣка, онъ уже недостаточенъ и падаетъ самъ собой, какъ это и подтверждаютъ законы многихъ законодателей.

Иисусъ Христосъ, сказали мы, не отвергаетъ Моисеева закона, а напротивъ придаетъ ему все значеніе. Но это послѣ того, что мы сказали о законѣ Моисеевомъ, можетъ показаться страшнымъ—недостаточному Верховный Законодатель придаетъ все значеніе? За разрѣшеніемъ этого кажущагося противорѣчія обратимся къ Самому Спасителю. Посмотримъ, какъ

Онъ относится къ Моисееву закону и объясняетъ его. Въ законѣ сказано: *не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду*, а Онъ говоритъ: кто скажетъ даже худое слово брату своему, тотъ подлежитъ суду: *всякъ иньваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему, рака: повиненъ есть сонмищу: а иже речетъ, уроче: повиненъ есть геснль огненный* (Мтѣ. V, 22). За одно худое слово—вѣчное осужденіе! Прежде всего, при анализѣ этихъ изреченій, является вопросъ: Иисусъ Христосъ высказываемыя имъ правила находить ли въ самомъ законѣ, или изрекаетъ ихъ отъ себя? При ихъ противоположности Моисееву закону, можно было бы согласиться на послѣднее, но на самомъ дѣлѣ не такъ; Онъ только толкуетъ Моисеевъ законъ. По закону человѣческой природы: внѣшнее дѣйствіе есть выраженіе внутренней жизни, и на оборотъ,—мысль человѣка, чувство есть уже и дѣло, иначе нельзя понимать жизни человѣческой. Сказано въ законѣ: *не убій*. Убіенство прежде всего зараждается въ мысли и чувствѣ, оно должно совершить цѣлый періодъ жизни внутренней, чтобы потомъ уже выразиться во внѣ. Съ другой стороны, по чувствительности нравственной жизни человѣка часто одно слово само по себѣ бываетъ убійственно. Поэтому нельзя сказать, чтобы Иисусъ Христосъ выдавалъ новыя правила, которыхъ не было въ законѣ Моисеевомъ,—Онъ только раскрываетъ смыслъ послѣдняго, или лучше—всю глубину тѣхъ правилъ, которыя изложены въ законѣ.

Древнимъ было сказано: *не прелюбы сотвори*, а Иисусъ Христосъ говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже воздѣлать ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ*. Нужно при этомъ различать преступленіе, совершаемое чисто отъ внутреннихъ, чувственныхъ побужденій, отъ преступленія, совершаемаго по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Чувственные побужденія лежатъ въ организмѣ человѣка, имѣютъ свой законъ, но законъ не настолько неизбѣжный и необходимый, какъ у животныхъ, у которыхъ все необходимо, всему

свое время и мѣра; не такъ у человѣка: у него какъ будто этихъ ограниченій строго не существуетъ, для него эти чувственные побужденія не могутъ быть строго опредѣлены, очевидно, потому, что онъ состоитъ не изъ одной чувственной природы; въ своемъ разумѣ и нравственной идеѣ онъ носитъ тѣ условія, которымъ должны быть подчинены чувственные побужденія. А отсюда ясно и то, что нравственный судъ не долженъ преслѣдовать одно виѣшнее преступленіе; съ другой стороны—то, что чувственные побужденія такъ сильны въ человѣкѣ, что если они не совершенно бываютъ подавлены въ немъ, то много вреда наносятъ нашей нравственной жизни. Во избѣжаніе вреда отъ нихъ, необходимо подчинять ихъ самымъ строгимъ условіямъ нравственной жизни. Вотъ почему Иисусъ Христосъ, говоря о преступленіяхъ виѣшнихъ, переноситъ судъ во глубину духа человѣка; если человѣкъ, подчиняясь чувственнымъ побужденіямъ, только посмотритъ на жену, съ вожделѣніемъ, онъ уже преступникъ. Это вѣрно и психически: внутреннее явленіе есть тоже актъ. Уча такъ, Иисусъ Христосъ есть уже не только совершеннѣйшій моралистъ, но и совершеннѣйшій психологъ. Какъ совершается преступленіе—по одной ли иниціативѣ собственно духа, или вмѣстѣ и по виѣшнимъ впечатлѣніямъ? Если оно совершается и по впечатлѣніямъ, то и тогда человѣкъ не менѣе виноватъ. Правда, нельзя сказать, чтобы человѣкъ, дѣйствующій по впечатлѣніямъ, былъ свободенъ; но онъ не долженъ подавляться виѣшними впечатлѣніями, онъ долженъ быть независимъ отъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія можно понять всю глубину Иисусова изреченія: *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уже бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную. И аще десная твоя рука соблазняетъ тя, усьцы ю, и верзи отъ себе: уже бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну* (Мто. V, 29 и 30): Онъ смотритъ на человѣка съ нравственной точки зрѣнія, человѣкъ долженъ быть

свободенъ, не долженъ поддаваться вѣншимъ впечатлѣніямъ, не смотря на ихъ силу; свободой онъ долженъ стоять выше ихъ, выше всего.

Далѣе говоритъ Спаситель: *речено же бысть: яко иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу разпутную* (дать ей разводную). *Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ отпущаяй жену свою, развъ словесе любодѣянаго, творитъ ю прелюбодѣйствоватчи: и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Мтѣ. V, 31 и 32). Положеніе и значеніе женщины въ древнемъ мірѣ извѣстно — тогда было лучше для нея уйти изъ семьи, гдѣ мужъ былъ деспотъ, чѣмъ оставаться въ ней, тогда не было нравственного взгляда на состояніе супружества; но когда христіанство раскрыло намъ супружеское состояніе, какъ состояніе нравственное, тогда очевидно должны были измѣниться и условія его существованія. Вотъ почему Іисусъ Христосъ и говоритъ, что супружество дотолѣ не можетъ быть расторгнуто, доколѣ существуетъ нравственное начало и нравственный союзъ, который можетъ быть разорванъ только чрезъ нарушеніе супружеской вѣрности. Вотъ почему Христосъ запрещаетъ давать разводную, когда не бываетъ еще нарушена эта вѣрность, когда еще не расторгнутъ нравственный супружескій союзъ; и если мужъ дастъ разводную женѣ безъ прелюбодѣянаго повода съ ея стороны, то онъ дѣлаетъ этимъ то, что она по необходимости впадаетъ въ прелюбодѣйство.

Речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Господеву клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ, продолжаетъ Іисусъ Христосъ, не клятися всяко: ни небо, яко престолъ есть Божій: ни землю, яко подножіе есть ногама Ею: ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго царя. Ниже главою твою кленися, яко не можеша власи единого бѣла или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишне же сею, отъ неприяни есть (Мтѣ. V, 33 — 37). И здѣсь, при внимательномъ анализѣ, не трудно видѣть глубину нравственного основанія, на которомъ Онъ основываетъ

клятву. Клятва бываетъ по случаю отсутствія довѣрія, а недѣловіе есть нравственный недостатокъ. Человѣкъ кляпущійся какъ бы такъ говорить: «если ты не вѣришь мнѣ, то повѣрь этому предмету, который ставлю я вмѣсто себя». Но очевидно мы не можемъ распоряжаться небомъ, — оно не наше; равнымъ образомъ ни землею, ни головой своей, когда ни одного волоса мы не можемъ измѣнить. И самое лучшее, по мысли Иисуса Христа, по отношенію къ клятвѣ—это то, если бы кляпущійся могъ своею жизнью, личностію убѣждать всѣхъ, что его жизнь, дѣло, слово—истина.

IX.

Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мте. V, 38 и 39). Мы замѣчали прежде, что Моисей, когда изрекалъ нравственныя правила, имѣлъ при этомъ въ виду жизнь общественную, гражданскую. Поэтому и постановленія его прежде всего надобно разумѣть въ смыслѣ гражданскомъ. Въ жизни гражданской возмездіе необходимо; законы гражданскіе имѣютъ въ виду опредѣлить это возмездіе въ строгихъ границахъ, и Моисей, какъ видимъ, хочетъ опредѣлить возмездіе точно и строго: «если другой дѣласть тебѣ зло и ты считаешь его незаслуживнымъ, дѣлай ему возмездіе и на столько на сколько онъ сдѣлалъ тебѣ зла, не болѣе», ибо далѣе Моисей замѣчаетъ: «если ближній не повредилъ тебѣ члена, —ничего не сдѣлалъ, и ты не должешь дѣлать ему возмездія». Если, однакожь, посмотрѣть на эти постановленія съ точки зрѣнія чистой нравственности, то они окажутся несправедливыми, ибо для меня несправедливо дѣлать зло другому потому, что онъ мнѣ причинилъ зло. Никто не можетъ *обязывать* меня дѣлать зло. Здѣсь нѣтъ мѣста и строго-нравственному вмѣненію, —нравственное вмѣненіе падаетъ только на человѣка, причинившаго зло; здѣсь же зло, которое дѣласть одишь, вы-

зываетъ и другаго на зло. И слѣдовательно законъ, который позволяетъ дѣлать зло за зло, самъ себя подрываетъ: зло такимъ образомъ является въ удвоенной степени. Очевидно также, такія постановленія не могутъ имѣть для человѣка и хорошихъ послѣдствій; платить зломъ за зло, съ точки зрѣнія чистой нравственности,—это значитъ усиливать зло.

Не такъ посмотрѣлъ на этотъ предметъ Иисусъ Христосъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу*, — т. е. не дѣйствуйте противъ зла тѣмъ же оружіемъ. Это изреченіе выражаетъ самый глубокий и чисто-нравственный законъ. Нравственное достоинство человѣка требуетъ свободы; нравственная свобода требуетъ независимости человѣка отъ зла. А гдѣ свобода человѣка, когда онъ долженъ платить зломъ за зло? Я не обязанъ дѣлать зло потому только, что мнѣ дѣлаютъ зло. Въ Моисеевомъ законѣ нравственная свобода подрывается въ самомъ корнѣ. Кто ударить тебя въ ланиту, подставь ему другую, — говоритъ Иисусъ Христосъ. И напрасно мы стали бы думать, что Онъ, говоря это, представляетъ человѣка пассивнымъ, нравственно-безсильнымъ; Онъ этимъ только не усиливаетъ зла; дѣлающему зло Онъ этимъ не даетъ права дѣлать зло же. Если понятіе о нравственности основано только на внѣшнихъ отношеніяхъ человѣчества, то такое понятіе недолговѣчно, ибо источникъ нравственности — въ глубинѣ духа человѣческаго. Слѣдовательно и внѣшняя пассивность еще не свидѣтельствуетъ о непрочной, безсильной нравственности человѣка, напротивъ подъ внѣшнимъ безсиліемъ скрывается высокая степень нравственной силы, ибо какая сила духа должна быть, чтобы подставить другую ланиту подъ ударъ! Отсюда-то въ ученіи Спасителя усматривается глубочайшій принципъ нравственности, которымъ держится въ человѣчествѣ христіанство, — принципъ побѣды добра надъ зломъ.

Но какимъ образомъ будетъ торжествовать добро, когда позволятся заповѣдію Спасителя торжествовать злу? Торжество зла, а не добра, можетъ видѣться здѣсь только при нашемъ

поверхностномъ взглядѣ, когда мы смотримъ на это съ точки зрѣнія внѣшней жизни. Чтобы добро могло побѣждать, для этого требуется, чтобы оно было свободнѣе, независимѣе, чтобы оно само отрѣшилось отъ зла, было совершенно само въ себѣ, было чуждо зла. Такимъ образомъ мы можемъ понять и то ученіе, которое высказываетъ Спаситель, когда говоритъ: *любите враги ваши, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгоняющія вы* (Мтѳ. V, 44), т. е., чтобы побѣждать въ мірѣ всякую ненависть, надобно быть совершенно добрымъ; мало этого, надобно, чтобы мѣра добра была больше въ насъ, чѣмъ мѣра зла въ нашемъ противникѣ. Отсюда-то и открывается божественная чистота нравственнаго ученія Иисуса Христа.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что Иисусъ Христосъ укореняетъ нравственность въ самомъ духѣ человѣческомъ и направляетъ все ученіе Свое къ тому, чтобы добро восторжествовало надъ зломъ. А отсюда нельзя не заключать, что ученіе Его и по достоинству своему и по источнику выше человѣческаго, оно Божественное, почему Христосъ и говоритъ, что тѣ, которые будутъ жить по нему, будутъ *совершенни, якоже Отець Небесный совершенъ есть* (Мтѳ. V, 48).

Но при этомъ можетъ возникать вопросъ: «если до такой степени ученіе Иисуса Христа совершенно, возвышенно и идеально, то можетъ ли оно быть осуществляемо на дѣлѣ и по этому не напрасно-ли оно дано?» Этотъ вопросъ не лишень основанія, потому что смотря на жизнь людей, нельзя не придти къ мысли, что ученіе Иисуса Христа едва ли можетъ быть осуществимо цѣлымъ человѣчествомъ,—оно, пожалуй, и осуществимо, но только въ частностяхъ; человѣчество, какъ мы видимъ, трудно освобождается отъ своихъ недостатковъ. Но еслибы даже и такъ разсуждать,—если оно неосуществимо въ человѣчествѣ, то отсюда еще никакъ нельзя заключать, что оно не пусто; потому что если мы признаемъ въ человѣкѣ свободно-разумную сторону, то для этой стороны дол-

жечь быть и всесовершенный идеалъ; въ противномъ случаѣ, пришлось бы даже стѣснить или остановить развитіе человѣческой нравственности; потому что нельзя вѣдь представить нравственной жизни въ предѣлахъ однихъ житейскихъ правилъ, это уже не будетъ нравственность, а только житейская практика; и высшія стремленія человѣка остались бы тогда не только безъ удовлетворенія, но и безъ правильныхъ отъправленій.

Другое, что можно на это сказать, состоитъ въ слѣдующемъ: несправедливо называть законъ евангельскій лишнимъ потому, что люди не хотятъ исполнить его. Что можетъ быть проще и неидеальнѣе Моисеева закона: не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй,—но и его не исполняли; и отсюда еще не слѣдуетъ, что эти правила были напрасны. Въ дѣлѣ нравственной жизни неисполненіе закона не служитъ основаніемъ къ его отрицанію. Что же касается ученія евангельскаго, то въ немъ есть особое преимущество, котораго никакой законъ не имѣетъ, это не есть только ученіе или законъ, нѣтъ, — при своей законности это есть сила, которая способна производить въ человѣкѣ дѣйствіе, ей соотвѣтствующее. Это доказалъ на Себѣ Иисусъ Христосъ. Черезъ Божественную Личность Его, связанную съ человѣчествомъ, эта сила прошла во все человѣчество; и хотя мы сами видимъ,—какъ ученіе евангельское мало осуществляется, но сила его все-таки дѣйствуетъ. Правда, эта сила не для всякаго замѣтна, во-первыхъ, потому, что она глубоко таятся въ духовной природѣ человѣка, во-вторыхъ, потому, что она задерживается борьбой съ другими силами природы и общества, долженствующею продолжаться дотолѣ, доколѣ сила евангельскаго ученія не восторжествуетъ надъ другими противоположными ей силами. Успѣхи медленны, но замѣтны. Такъ напр., что такое современныя улучшенія въ жизни общественной? Нѣкоторые приписываютъ ихъ простымъ, естественнымъ силамъ человѣка, — но они суть не что иное, какъ плодъ нравственныхъ началъ, указанныхъ Христомъ; это отпрыски добраго сѣмени евангельскаго ученія.

Х.

Нравственную чистоту Иисусъ Христосъ переносить и на почву религія: *егда молишися, не буди, якоже лицемеръ... вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, и уже въ тайнѣ: и Отець твой видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явь* (Мтѣ. VI, 5 и 6). Здѣсь, надо замѣтить, Иисусъ Христосъ религію переносить на ея настоящую почву, — во внутренность человѣка, въ его духъ. И дѣйствительно, религія, какъ обращеніе человѣка къ Богу, должна начинаться, совершаться и оканчиваться въ духѣ человѣка; этого мало, только чрезъ одухотвореніе религія приобрѣтаетъ силу, ибо если бы она совершалась въ одной внѣшности, тогда она переходила бы въ формы, которыя, усложняясь, только ослабляли бы ее. Религію Иисусъ Христосъ представляетъ, какъ дѣло совѣсти.

Иисусъ Христосъ, отвлекая религію отъ внѣшности, и перенося ее въ духъ человѣка, говоритъ: когда молитесь, не будьте многорѣчивы, какъ язычники, думающіе, что во многоглаголаніи своемъ услышаны будутъ (Мтѣ. VI, 7). Этимъ Онъ запрещаетъ не продолжительность молитвы, а многосложность предметовъ молитвы. И чтобы научить правильно молиться, Онъ тутъ же даетъ образецъ молитвы: «*Отче нашъ*». Въ пей Иисусъ Христосъ показываетъ отношеніе человѣка къ Богу, научаетъ преданности волѣ Божіей, показываетъ, каковъ долженъ быть духъ нашей молитвы, даетъ совѣтъ избѣгать всѣхъ искушеній и бѣдствій на столько, на сколько эти бѣдствія могутъ наносить вредъ нравственности человѣка. Одно изъ начальныхъ прошеній молитвы Господней, состоитъ въ прошеніи о наступленіи царствія Божія: *да приидетъ царствіе Твое*, учить молиться Христосъ. Здѣсь подъ «царствомъ Божіимъ» надо разумѣть наступленіе въ мірѣ такого царства, въ которомъ ничего бы не было, кромѣ истины, правды и мира. Въ прямомъ же и положительномъ смыслѣ надобно разумѣть

здѣсь царство Божіе или осуществленіе плана возрожденія человѣчества Богомъ. Но при этомъ возникаетъ вопросъ: въ какой степени осуществился этотъ предметъ молитвы, — планъ Божій о возрожденіи человѣка? На этотъ вопросъ прежде всего должна отвѣчать исторія христіанства. Что же говоритъ исторія? Надобно ожидать, что съ самаго начала христіанства и потомъ этотъ планъ хотя не вдругъ, а постепенно, но осуществлялся, это мы говоримъ, не заглядывая въ исторію, что называется а ргіогі, по требованію самой идеи христіанства. Что же касается до видимыхъ фактовъ исторіи, мы видимъ противное: видимъ борьбу человѣка съ христіанствомъ, борьбу отъ недостатка ли воспріимлемости у человѣка къ христіанству, или отъ того, что христіанство идетъ въ разрѣзъ съ жизнію человѣчества? Борьба человѣка съ христіанствомъ прежде всего зависѣла отъ недостатка вѣры и отъ непокорности ему въ человѣкѣ, что и высказалось на первыхъ же порахъ въ появленіи различныхъ еретическихъ обществъ: гностицизма, арианства, несторіанства и др.; далѣе—воздвигаетъ борьбу противъ христіанства болѣе и болѣе расширяющееся сомнѣніе во все то, что принесено христіанствомъ въ міръ, — сомнѣніе, по видимому, достигшее въ настоящее время уже крайней степени. Это со стороны догматической.

Со стороны нравственной. Если мы видимъ въ частности высокіе образцы христіанской жизни, то съ другой—въ большинствѣ видимъ паденіе нравственности, такъ что въ этомъ отношеніи вѣрны слова одного нѣмецкаго учонаго: «религія до Христа была хуже, а люди лучше, послѣ Христа религія лучше, но люди хуже». Судя по этому, религія христіанская не осуществима. Но едва ли справедливо судить о христіанствѣ по его ви́шнимъ признакамъ. Уже то самое должно умѣрять рѣшительность нашего суда о христіанствѣ, что немного прошло времени съ начала христіанства, — вѣдь эта религія должна возобновить все человѣчество; духовная жизнь человѣка развивается ту же физической; кромѣ того, законы жизни духовной для нашего глаза болѣе не замѣтны, чѣмъ

законы жизни физической. Все это говорить, что судить о плодах христіанства еще рано. Въ человѣкѣ, богатомъ и физическими и духовными силами, только чрезъ десятки лѣтъ силы его получаютъ опредѣленное развитіе. Греки и римляне—народы образованные, но оказываеся, что они не понимали самыхъ простыхъ истинъ. Христіанство есть по преимуществу сила духовная, лежащая далеко за предѣлами внѣшней жизни, глубоко укорененная въ духъ человѣческомъ. Оно составляетъ въ этомъ отношеніи контрастъ съ религіей ветхозавѣтной; а чѣмъ оно незамѣтнѣе и духовнѣе, тѣмъ туже должно и развиваться.

Далѣе, христіанство по самому свойству коренныхъ идей своихъ должно развиваться не иначе, какъ борьбой; духъ долженъ бороться съ органическою жизнію, которою онъ окруженъ, долженъ пробивать ся кору; христіанство отвлекаетъ духъ отъ міра, и при этомъ, очевидно, борьба христіанства должна быть продолжительная, и прежде всего духъ долженъ побѣдить самого человѣка, тѣ его привычки и наклонности, которыя онъ выработалъ до христіанства. И эта борьба двоякая: во-первыхъ, онъ долженъ уничтожить въ жизни человѣка все худое, и во-вторыхъ—переработать въ жизни его все хорошее и направить это хорошее къ добрымъ цѣлямъ. Понятно послѣ этого, какъ должна быть долговременна борьба христіанства и какъ должно быть долговременно его развитіе. Можетъ быть и тысячи вѣковъ представлять собой немного времени для того, чтобы возобновить все человѣчество. Мы говоримъ о цѣломъ человѣчествѣ, а не о частностяхъ, которыя при благопріятныхъ условіяхъ могутъ имѣть успѣхъ въ христіанствѣ. Наконецъ, большое противодѣйствіе, какъ подтверждаетъ исторія, оказываетъ развитію христіанства государство. Это противодѣйствіе вытекаетъ изъ того, что начала государства не совпадаютъ съ началами христіанства: государство изъ человѣка приготовляетъ члена общества земнаго, а христіанство — небеснаго. Правда, христіанство не запрещаетъ человѣку быть членомъ общества земнаго, но

оно желаетъ видѣть его по преимуществу членомъ общества небеснаго. Главное же неблагопріятное условіе для христіанства со стороны государства—это то, что общества гражданскія по большей части бывають основапы на ложныхъ началахъ; откуда не могла не возникнуть и возникла борьба между религіей и государствомъ. Государство есть искусственная форма развитія человѣка, а какъ искусственная оно должно было привести и къ искусственному развитію: отсюда тотъ деспотизмъ и безграничное рабство, которые христіанство встрѣтило въ мірѣ. Деспотизмъ и рабство гражданскіе проникли въ глубь нравственной жизни человѣка. Вредъ отсюда понятенъ. Но что принесло христіанство въ общество? Оно не принесло новой гражданской формы, ибо оно есть религія духа; но оно коснулось внутренней стороны гражданства и принесло во внутрь его свое содержаніе. Конечно, это не могло совершиться безъ борьбы, ибо христіанство при этомъ не могло не подрывать установившихся формъ гражданскихъ. Что же именно христіанство принесло для общества? Оно принесло новый взглядъ на членовъ общества, какъ на братьевъ, и на власть его, какъ на служеніе; а это для языческаго государства было такою новостію, которой оно не могло вдругъ переварить. Отсюда-то и гоненія, всматриваясь въ которыя, мы видимъ, что здѣсь борьба была не столько изъ-за религій, сколько изъ-за нарушенія христіанствомъ языческихъ формъ. Когда же государство увидѣло всю тщету своихъ преслѣдованій противъ нравственныхъ началъ христіанства, тогда оно признало необходимость ввести послѣднее внутрь своей жизни. Философъ при этомъ замѣтилъ бы, что государство, при всей уступчивости христіанству, все-таки невдуръ еще могло прекратить борьбу свою съ христіанствомъ, ибо оно не въ силахъ вдругъ отказаться отъ своихъ древнихъ языческихъ началъ. И это справедливо.... Но жестоко заблуждаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ религій одно изъ средствъ для государственныхъ цѣлей, подтвердить эту мысль они не могутъ даже и мнимыми доказа-

тельствами: религія Христова не отъ міра сего, т. е. она должна быть вовсе независима отъ государства.

Внутренняя сторона христіанства показываетъ, что при всѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ нему государства, оно все-таки шло впередъ, развивалось и передѣливалось племена, народы и государства; плоды, которые цивилизація хотѣла бы приписать себѣ, суть плоды именно христіанства, разумѣмъ свободу убѣжденій и равенство. Государство же, присвоивая себѣ эти плоды, только желаетъ, какъ бы не высвободить религію изъ своей власти. Съ этою же цѣлію оно проповѣдуетъ и свободу совѣсти. Въ такомъ ложномъ отношеніи находится государство къ религіи и доселѣ. Этимъ отношеніемъ объясняется и нынѣшняя возня папы съ итальянскимъ королемъ; эта борьба есть воздѣйствіе христіанства, которое, съ одной стороны, хочетъ пробиться чрезъ кору панства, чтобы жить своею жизнію, съ другой—преобразовать формы гражданской жизни.

Да придетъ царствіе Твое,—этимъ, сказали мы, высказывается желаніе осуществленія всего плана домостроительства Божія на землѣ. Но этотъ планъ не могъ осуществиться и по самой сущности христіанства, которое вѣчно будетъ развиваться. Религія ветхозавѣтная могла скорѣе окаменѣть, чѣмъ развиться: чтобы видѣть это, стоитъ только посмотреть на ея основныя истины. Такова же религія и магометанская; быстрое распространеніе послѣдней свидѣтельствуетъ только о томъ, что она приналась по характеру народа, который исповѣдуетъ ее. Не такова религія христіанская: она не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ, и нѣтъ народа, которому она могла бы болѣе правиться, чѣмъ другому. Такимъ образомъ и распространеніе христіанства не есть дѣло пропаганды, а есть существенная черта его характера, оно способно къ развитію, не ограничиваемому ни мѣстомъ, ни временемъ. Такого же свойства и характера и содержаніе христіанской религіи. Оно возрождаетъ и обновляетъ человѣка, что также свидѣтельствуетъ о безконечномъ развитіи этой ре-

лигіи. Предметы ея содерланія говорятъ о ея силѣ и высотѣ, какъ высока напр. ея слѣдующая истина: *достойтъ кланятися Богу духомъ и истиною* (Іоан. IV, 24). Для такого поклоненія цѣтъ предѣловъ, ибо безконеченъ духъ человѣка, слѣдовательно безконечна и религія. Если же такова религія по своему существу, по своимъ основнымъ задачамъ, однимъ словомъ, если она безконечна въ своемъ развитіи: то несправедливо было бы заключать о ея сущности по ея развитію въ теченіе одной или двухъ тысячъ лѣтъ. Съ безконечнымъ развитіемъ естественныхъ силъ человѣка должно безконечно развиваться и христіанство. Отсюда-то становятся понятными для насъ и эти слова апостола: *видимъ убо нынѣ якоже зеркаломъ въ тинни, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумью отчасти, тогда же познаю, якоже и познавъ быхъ* (1 Кор. XIII, 12). Но сколько времени требуется, чтобы достигнуть чрезъ христіанство осуществленія этой задачи?

И остави намъ долги наши, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Въ этихъ словахъ сущность и сила христіанства выражаются преимущественно въ нравственномъ отношеніи. Богъ прощаетъ человѣка, а человѣкъ—своего ближняго. Изъ такихъ взаимныхъ прощеній слагается свѣтлый образъ любви и мира. Этого образа не представляетъ намъ ни одна религія; если въ какой религіи и найдемъ намекъ, что должно любить человѣка, но никакъ не найдемъ указанія па то, чтобы прощать ближняго, что бы онъ ни сдѣлалъ намъ.

Богъ прощаетъ человѣка не потому, что не хочетъ гнѣваться, а человѣкъ—человѣка не потому, что не хочетъ сердиться. Такое пониманіе не исчерпываетъ всей силы прошенія молитвы Господней. Когда усиливается зло, — чрезъ положеніе или отрицаніе? Что изъ того выйдетъ, если мы, чтобы отнять силу у зла, будемъ его преслѣдовать, будемъ дѣлать возмездіе? Законъ, который преслѣдуетъ зло, не только чрезъ это признаетъ силу зла, но и даетъ ему жизнь. Другое выходитъ, когда не признается жизнь и сила зла, когда отрицается у него право на существованіе, а это можетъ быть

только тогда, когда добро не вызываетъ зла на борьбу, не дѣластъ ему возмездія; послѣднее отношеніе добра ко злу не можетъ не ослаблять его. Разсуждая такъ, мы поймемъ все значеніе прошенія: *и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Въ немъ выражается, что мы даже не хотимъ и думать, что зло сильно. И дѣйствительно, при такомъ нашемъ отношеніи къ нему, оно ослабляется само по себѣ. Когда Иисусъ Христосъ говоритъ, что Богъ прощаетъ, Онъ этимъ не хочетъ сказать, что Онъ безразлично отпосится къ добру и злу, по то, что отрицая силу у зла, Онъ этимъ ослабляетъ его.

Но при этомъ возражаютъ: «если такъ поступать, — прощать другъ друга, то зло разовьется до безконечныхъ предѣловъ, тогда правда, явно понираемая, будетъ страдать». Никогда, если это положеніе будетъ осуществляться въ предѣлахъ христіанства, а иначе и быть не можетъ, ибо оно не стоитъ отдѣльно отъ другихъ христіанскихъ истинъ. Если же мы на самомъ дѣлѣ и видимъ иногда противное, то это говорить только о томъ, что можно злоупотреблять какими угодно добрыми правилами. И эту идею прощенія выражается не слабость моральныхъ силъ христіанства, а на оборотъ — высказывается сила ихъ, та сила, которой достигнуть христіанствъ можетъ не вдругъ, а только съ теченіемъ времени.

XI.

Не скрывайте себѣ сокровища на земли, идыже червь и тля тлитъ, и идыже татіе подкопываютъ и крадутъ: скрывайте же себѣ сокровища на небеси, идыже ни червь, ни тля тлитъ, и идыже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ. Идыже бо есть сокровища ваше, ту будетъ и сердце ваше (Мтѣ. VI, 19—21). Воззрите на птицы небесныя, яко не съютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучше ихъ есте

(—VI, 26)?.. *Не печитесь убо, глаголюще: что ямы, или что нѣмъ, или чимъ одеждемся; ищите же прежде царствія Божія и правды ею, и сія вся приложатся вамъ* (Мтѣ. VI, 31. 33). Въ этихъ изреченіяхъ, какъ видимъ, Христосъ опредѣляетъ отношеніе наше къ здѣшней жизни и при этомъ отрицаетъ самыя положительныя нужды человѣка. Изъ какого источника вытекаетъ такой моральный взглядъ на жизнь человѣка? Изъ характера-ли учителя, или изъ какихъ-нибудь началъ мистическихъ, которыя Иисусъ Христосъ хотѣлъ положить въ основаніе своего ученія, или Онъ давалъ эти правила не для всѣхъ людей, а только исключительно для Своего малаго общества, или же, наконецъ, это было нѣчто похожее на презрѣніе къ жизни? Углубляясь въ ученіе Иисуса Христа и Его характеръ, не можемъ допустить ни одного изъ этихъ объясненій. Учитель такъ былъ близокъ къ человѣку, что оказывалъ величайшее снисхожденіе ко всѣмъ его немощамъ, и цѣлю Своего ученія поставлялъ возстановить, а не подавить человѣчество. Поэтому въ ученіи Его слѣдуетъ искать началъ болѣе положительныхъ и существенныхъ. Правственная жизнь, какъ мы неоднократно говорили, должна проистекать изъ внутри человѣка, а не извнѣ; и слѣдовательно человѣкъ долженъ быть сколько возможно болѣе присущъ себѣ и углубленъ въ себя, а не привязываться къ внѣшнимъ предметамъ; стало быть Спаситель, когда говоритъ о необходимыхъ нуждахъ человѣка, то не отрицаетъ ихъ совсѣмъ, а хочетъ сказать только, чтобы эти нужды были подчинены нравственнымъ началамъ, жизни духовной. Съ другой стороны, нельзя быть человѣку нравственнымъ, если не утверждена въ немъ нравственная свобода; нравственная же свобода требуетъ, чтобы нравственное развитіе не подлежало случайнымъ условіямъ, иначе она не можетъ быть твердой, и нравственная жизнь будетъ также измѣнчива, какъ измѣнчивы самыя условія, а это будетъ значить тоже, что нѣтъ ни нравственности, ни нравственной свободы. И это понятно: если нравственность поставятъ въ зависимость отъ случайныхъ

обстоятельство, тогда не могло бы быть общих правил, таких, которымъ бы одинаково могъ подчиняться и бѣдный и богатый, тогда никакой законодатель не въ состояніи былъ бы изречь ихъ, и ихъ не существовало бы. Между тѣмъ нравственность составляетъ существенную сторону жизни человѣческой; у ней должны быть свои непреложные законы и твердыя правила, по которымъ человѣкъ долженъ стоять въ случайностей и быть вполне самостоятеленъ въ своихъ нравственныхъ дѣйствіяхъ. Другое необходимое условіе для развитія нравственной жизни человѣка то, чтобы развитіе ея не подлежало стѣпенительнымъ ограниченіямъ; нравственность нельзя понимать какъ кодексъ извѣстныхъ правилъ, почва ея—человѣческій духъ, поэтому она не есть что-нибудь безжизненное и матеріальное, она также свободна и жизненна, какъ самый духъ, ея развитіе безусловно и самоусовершенствованіе бесконечно, а поэтому человѣкъ не долженъ предаваться необходимому житейскимъ нуждамъ до того, чтобы они могли ограничивать развитіе нравственной жизни; крѣпкая же привязанность къ естественнымъ нуждамъ очевидно ограничивала бы нравственную жизнь. Въ третьихъ нравственность человѣка должна имѣть какой-нибудь идеаль, потому что человѣкъ не можетъ развиваться, не имѣя предъ собою идеала,—идеала такого, на сколько его можетъ представлять или понимать умъ человѣка. Этотъ идеаль не можетъ не быть отвлеченнымъ, потому что онъ долженъ быть выше обыкновенной жизни человѣческой, и его, очевидно, нельзя почерпнуть изъ вѣщней жизни. Это лучше всего доказываетъ современность, съ своими безуспѣшными попытками—выработать нравственный идеаль изъ жизни, текущей предъ нашими глазами: изъ обыденныхъ благъ можетъ выработаться только обыкновенный образъ, скоропреходящій, матеріальный. Такимъ образомъ, понятно, почему Иисусъ Христосъ говоритъ, что не должно заботиться не только о благахъ земныхъ, но и о естественныхъ потребностяхъ человѣка. Конечно, когда Иисусъ Христосъ говорилъ это, Онъ

не имѣлъ въ виду отвлечь человѣка отъ жизни. Несправедливъ и тотъ взглядъ, будто Христосъ имѣлъ въ виду улучшить только жизнь человѣка мірскую. Онъ вездѣ—и своими дѣйствіями и ученіемъ—подчиняетъ жизнь мірскую духовной, и между тѣмъ не отрываетъ человѣка и отъ міра.

ХИ.

Остаиваемся сегодня на воскресеніи сына Наинской вдовы (Лук. VII, 11—17). Исусъ Христосъ однимъ словомъ воскресилъ умершаго. Много возраженій существуетъ противъ дѣйствительности подобныхъ явленій въ жизни Спасителя; вслѣдствіе чего отстаивать подобныя явленія труднѣе всего. Но какъ бы ни были сильны возраженія, будемъ отвѣчать на нихъ строгимъ анализомъ; онъ обнаружитъ слабость возраженій и доставитъ намъ возможность защитить оспориваемое явленіе. Первое возраженіе касается подлинности евангельскаго событія. На сколько же сильно это возраженіе? Оспориваніе подлинности мѣста, въ которомъ разсказывается о событіи, не есть еще опроверженіе событія. Ни одна критика, — ни историческая, ни рационалистическая — не могла опровергнуть подлинности Евангелія, тѣмъ болѣе подлинности извѣстнаго мѣста. Евангелія явились немного спустя послѣ жизни Спасителя. Если бы нѣкоторыя событія, приписываемыя дѣйствіямъ Исуса Христа, были вымысломъ, то ихъ не допустили бы занести въ евангелія не только враги, но и послѣдователи Исуса Христа. Съ другой стороны въ дѣйствительныхъ фактахъ Исуса Христа враги Его не хотѣли признать только силы высшей, божественной, а приписывали ихъ силѣ Вельзевула.

Произведемъ анализъ внутренней стороны этого явленія. Возражая противъ возможности и дѣйствительности чудесъ, опираются обыкновенно на принципъ естественной науки: — силы природы, говорятъ, всегда дѣйствовали по своимъ неизмѣннымъ законамъ, и если нынѣ мы не видимъ подобныхъ

явленій, т. е. чудесъ, то ихъ не было и не должно было быть и раньше въ силу неизмѣнности законовъ.

Если бы законы природы дѣйствовали безусловно неизмѣнно,—сегодня какъ завтра и вчера, то при такой неизмѣнности природа едва ли бы представляла въ себѣ жизнь, ибо никакая машина не есть жизнь по тому одному, что она дѣйствуетъ неизмѣнно—по однимъ законамъ; въ машинѣ нѣтъ жизни, а есть только механическое движеніе. Жизнь, по самому своему понятію, есть безграничное развитіе силъ, въ ней дѣйствующихъ; но этого развитія не можетъ быть въ природѣ, какъ машинѣ. Машина должна истощиться и стать, ибо по закону естественному — одна сила, непрерывно дѣйствующая по однимъ законамъ, должна истощиться и стать; для ея отправления требуются измѣненія. Прихѣромъ на это можетъ служить организмъ человѣка: вся его жизнь состоитъ въ измѣненіи частей организма. Если же съ понятіемъ о жизни соединяется безграничное развитіе, то необходимо должно допустить и комбинацію и измѣненіе въ самыхъ основахъ, на которыхъ держится жизнь міра. А при такихъ измѣненіяхъ можетъ явиться человѣкъ, который, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ производить и дѣйствія необыкновенныя.

Далѣе, если мы и согласимся съ приведеннымъ нами возраженіемъ, то подобное явленіе, разсматриваемое нами, изъ жизни Спасителя можетъ ли служить доводомъ неизмѣнности законовъ природы? Человѣкъ воскрешенный живетъ и опять умираетъ, стало быть онъ не нарушаетъ сущности законовъ природы. Съ другой стороны нѣтъ закона безъ исключенія, и эти исключенія могутъ и даже должны быть, потому—что они бывають весьма необходимы и полезны.

Ни положительная наука, ни разумъ не рѣшили еще—что такое жизнь сама въ себѣ, точно также, какъ—что такое смерть? Мы видимъ только факты, человѣкъ живетъ и умираетъ; но все остальное, что стоитъ за фактами, отъ насъ скрыто, и это большой недостатокъ въ насъ: ибо, зная сущность законовъ смерти, мы тогда могли бы знать, какъ жизнь угасшая

можетъ возстать и возставши угаснуть. Стало быть, вся сила возраженія, приведеннаго нами, состоитъ въ незнаніи того, какъ могло случиться чудо.

Жизнь въ природѣ и жизнь въ человѣкѣ имѣетъ тамъ и здѣсь одинаковое для себя основаніе въ постоянныхъ законахъ, но при этомъ не вездѣ она развивается въ одинаковой степени, даже въ недѣлимыхъ: въ одномъ организмѣ — она развивается въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ другомъ и т. д., хотя организмъ недѣлимаго и основа жизни въ немъ одинаковы; стало быть это разнообразіе зависитъ отъ частныхъ условій, при единствѣ основанія. Если такъ, то какая наука можетъ поручиться, что такой-то человѣкъ при извѣстныхъ условіяхъ не можетъ прожить ста лѣтъ? Та причина, которая одного заставляетъ жить 20 лѣтъ, другаго 100 лѣтъ, можетъ много заставить жить и 500 лѣтъ. Если же такъ, то можетъ случиться, что явится человѣкъ, который совмѣститъ на себѣ всѣ условія для продленія жизни.

Съ другой стороны, предъ нашими глазами преобладаніе жизни; смерти, видимъ мы, какъ бы не существуетъ, и измѣняется предъ нами только одна жизнь: для одного субъекта смерть, для другаго эта же смерть служитъ началомъ жизни. Эту истину подтверждаютъ даже статистическія свѣдѣнія, число рождающихся, при неблагоприятныхъ даже условіяхъ, превышаетъ число умирающихъ, въ двѣ секунды умираетъ два человека а рождается три. Точно также статистика доказываетъ, что при случаяхъ насилій надъ жизнью, жизнь все-таки торжествуетъ: послѣ эпидемическихъ болѣзней цифра рожденій всегда увеличивается; сама природа спѣшитъ возстановить себя. Такимъ образомъ, при постоянномъ развитіи жизни и при преобладаніи жизни надъ смертію или, что тоже, при стремленіи къ отрицанію смерти можетъ явиться человѣкъ, въ которомъ жизнь въ особенной степени проявляется. Это подтверждаетъ даже естественная наука. Опыты магнетизма показываютъ, что жизнь изъ одного субъекта переходитъ въ другаго. Очень жалъ, что по сему предмету есть только отры-

вочныя свѣдѣнія и эта сторона явленій доселѣ не разработана систематически. Само собой разумѣется, что при нашемъ изслѣдованіи, сила магнитическая не ведетъ къ объясненію дѣла, но тѣмъ не менѣе эти указанія могутъ имѣть здѣсь мѣсто, они могутъ послужить нѣкотораго рода лѣстницей, по которой можно восходить къ уразумѣнію и тѣхъ вопросовъ, которые мы рѣшаемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи вышла брошюра одного доктора, въ которой сообщался слѣдующій фактъ магнитизированія. Одинъ молодой человѣкъ умиралъ отъ чахотки; одному лекарю-магнитизеру, случившемуся при больномъ, пришла мысль магнитизировать умирающаго въ послѣдній моментъ его жизни. Больной согласился на это; докторъ началъ магнитизировать. Нужно замѣтить—больной имѣлъ все признаки смерти; и что же?—въ самый моментъ смерти жизнь была задержана. Пульсъ не бился, но умершій отвѣчалъ на вопросы, и звуки его голоса были похожи на то, какъ бы выходили они изъ дна глубокаго колодца. Когда послѣ магнитизированія докторъ спросилъ его, онъ отвѣчалъ, что онъ, больной, умеръ, но что-то задерживаетъ его на порогѣ смерти. вмѣстѣ съ тѣмъ больной выражалъ жалобу на то, что его держать въ такомъ тяжкомъ для него положеніи. Наконецъ, этотъ умершій сталъ умолять магнитизера, чтобъ онъ освободилъ его изъ такого положенія. И когда мольба его была исполнена, организмъ его былъ уже трупомъ. Этотъ фактъ показываетъ, что жизнь одного можетъ переходить и дѣйствовать въ другомъ, когда этотъ другой уже умираетъ. Какова же была сила жизни въ человѣкѣ, который дѣйствовалъ на умирающаго! Но что это за сила, наука этого не рѣшила; со временемъ, можетъ быть, наука перестанетъ звать ее магнитизмомъ. Одна-ли сила физическая дѣйствовала въ этомъ случаѣ,—трудно на это отвѣчать; но думается, что такого дѣйствія не могла произвести одна физическая сила, которая не можетъ быть до такой степени самостоятельна и независима; и мы знаемъ, что въ подобныхъ случаяхъ много значить сила воли магнитизера, и первое условіе магнитизи-

рованія, чтобъ воля больного была подчинена волѣ магнетизера. Если же въ докторѣ такъ велика была сила естественная, что могла бороться со смертію, то какова должна быть сила его воли? Все это приводитъ къ заключенію, что при развитіи или упадкѣ жизни физической много значитъ сила нравственная. Сила физическая не могла бы имѣть разумнаго направленія, если бы она не имѣла тѣсной связи съ высшей силой—нравственной, которая направляетъ и развиваетъ ее. Никто не можетъ оспоривать данныхъ естественной науки, но какъ скоро эта наука приходитъ къ выводамъ изъ нихъ, то сознаетъ свое безсиліе. И только откровеніе научаетъ насъ узнавать сопоставленіе силы естественной съ силой нравственной, только оно объясняетъ намъ и обыкновенные факты и чудесные.

Опыты показываютъ, что силы физическія въ своихъ измѣненіяхъ подчиняются силѣ нравственной. А если такъ, то нѣтъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что сила нравственная чѣмъ развитѣе, тѣмъ сильнѣе она должна дѣйствовать на физическую силу. Условія развитія нравственной силы различны, но самыя лучшія тѣ, когда сила развивается сама изъ себя; во времена до-христіанскія сила физическая господствовала надъ нравственной силой; въ христіанствѣ, уже при самомъ его появленіи, наоборотъ,—сила нравственная начинаетъ торжествовать надъ физической, что можетъ подтверждать рѣзко выдающееся явленіе въ исторіи христіанства—мученичество:—здѣсь человекъ какъ бы не чувствовалъ физическихъ страданій; здѣсь моральная сила до послѣдней степени ослабляла физическую. Это достаточно утверждаетъ надежду, что будетъ время, когда моральная сила получитъ въ христіанствѣ еще большее развитіе; и, развиваясь съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, она могла бы сдѣлаться всемогущею. Но при этомъ возникаетъ вопросъ сомнѣнія: историческіе опыты показываютъ, что торжество нравственной силы надъ физической проявляется только въ индивидуумахъ, но какимъ образомъ эта сила проявится во всѣхъ? Какъ этотъ вопросъ ни труденъ, но онъ

рѣшается легко. Если въ индивидуумахъ сила моральная такъ развивается, что дѣйствуетъ неотразимо на физическую силу, то что удивительнаго, если эта сила при благоприятныхъ условіяхъ получить такое развитіе, что будетъ дѣйствовать во многихъ личностяхъ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Исторія показываетъ, что человѣчество съ теченіемъ времени начинаетъ дѣйствовать въ природѣ посредствомъ все болѣе и болѣе простыхъ силъ ея. Слѣдовательно, духу человѣческому нужно только приходить въ непосредственное отношеніе съ силами природы: теперь уже духъ человѣческой въ нѣсколько часовъ говоритъ черезъ океаны, и въ нѣсколько часовъ пробѣгаетъ человѣкъ такое пространство, пройти которое прежде требовались цѣлые дни недѣли и мѣсяцы. А если такъ, то духъ человѣка съ теченіемъ времени, все уточая и уничтожая преграды пространства и времени, станетъ лицомъ къ лицу съ природою, торжествуя полную побѣду надъ послѣдней. И странно! Какимъ образомъ люди, отвергающіе силы моральныя — такъ называемые матеріалисты, не хотятъ видѣть безпредѣльнаго развитія силы мысли и воли! Нужно нарочно закрыть глаза, чтобы не видѣть ни моральныхъ силъ, ни ихъ развитія, ни плодовъ этого развитія.

Разсуждая такъ, мы придемъ если не къ положительному уразумѣнію, то къ близкому представленію того, какимъ образомъ сила моральная при своемъ развитіи будетъ торжествовать надъ всѣми физическими силами. Она будетъ торжествовать, и это будетъ то торжество, которое мы называемъ воскресеніемъ мертвыхъ.

Откровеніе, поставляя силу моральную выше физической, приводитъ насъ къ тому, что мы должны видѣть и ставить нравственную личность человѣка выше всего; оно представляетъ даже Личность, воскрешающую мертвыхъ. Судя безпристрастно, въ воскресеніи мертвыхъ мы видимъ торжество силы моральной надъ физической. Человѣчество не достигло этого, но это возможно было для Иисуса Христа, и это было исключеніе и при томъ условное: будетъ время, говоритъ Христось,

когда другіе больше Меня сдѣлають (Іоан. XIV, 12). Это значитъ: то, что сдѣлалъ Христосъ, будетъ достояніемъ другихъ людей и даже всего человѣчества. Этимъ Онъ показываешь опредѣленное дѣйствующее въ мірѣ начало или законъ. Въ соответствии этому процессу, о которомъ говоритъ намъ откровеніе, тоже откровеніе говоритъ, что будетъ такая эпоха въ мірѣ, когда не только человѣчество преобразится, достигнетъ высшаго развитія, но наконецъ человѣчество умершее возстанетъ. Сколько ни представляютъ возраженій противъ этой эпохи, но, анализируя предметъ безпристрастно, можно придти къ представленію и этого событія. Но объ этомъ послѣ.

XIII—XV.

Иисусъ Христосъ, какъ читаемъ въ Евангеліи, прощаетъ грѣшницѣ, за что подвергся крайнему осужденію со стороны фарисеевъ. Прощать всѣ грѣхи по уваженію только къ одному чувству, которое наполняло душу грѣшниковъ, есть одна изъ характерныхъ чертъ Евангелія. Чувство это, изъ-за котораго отпускались грѣхи, было чувство любви, великое значеніе котораго требуетъ особеннаго объясненія. И прежде всего, чтобы постигнуть великую силу любви, надобно представить, какое понятіе о грѣхахъ существовало до Христа и какое понятіе было до Него о правосудіи Божіемъ! Иисусъ Христосъ какъ-будто уничтожаетъ эти понятія и изъ уваженія къ одному чувству идетъ вразрѣзъ съ ними. При этомъ невольно спрашиваешь себя: прощать грѣшниковъ—предметъ одного ли Божескаго милосердія или въ самомъ сердцѣ прощающаго есть основаніе, по которому дѣло милосердія не есть дѣло простого милосердія, а тѣмъ болѣе какого нибудь произвола?

Иисусъ Христосъ простилъ грѣшницѣ всѣ грѣхи (Лук. VII, 36—50) не по уваженію къ чему нибудь, а единственно потому, какъ говорится въ Евангеліи, что она *возлюби много* (Лук. VII, 47). Этотъ знаменательный фактъ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Здѣсь представляется много вопросовъ, рѣше-

ніе которыхъ должно разъяснить юридическую и моральную сторону этого факта. Со стороны юридической—Иисусъ Христосъ имѣлъ ли право, не зависимо отъ его Божескаго достоинства, отпустить грѣхи, и если имѣлъ, —какого оно рода и на чемъ основано? И потомъ—какимъ образомъ женщина могла быть прощена, когда грѣхи ея были извѣстны всѣмъ, и прощена за то только, что оказала усердіе къ одному Иисусу Христу, и наконецъ—какъ была прощена, т. е. было ли это одно снисхожденіе Иисуса Христа въ ней, или это былъ дѣйствительный фактъ прошенія и освобожденія отъ грѣховъ?

Имѣлъ ли Иисусъ Христосъ формальное право прощать, и если имѣлъ, кто Ему далъ это право? Вмѣнять или не вмѣнять грѣхъ другому, для этого нужно владѣть судомъ. Весь же судъ былъ въ рукахъ Иисуса Христа: *Отець бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови* (Юанн. V, 22). Слѣдовательно право судить принадлежало Ему и Онъ облеченъ былъ этимъ правомъ отъ Самого Бога Отца. Впрочемъ и независимо отъ уполномочія отъ Отца, Онъ утвердилъ за Собой право суда послѣ того, какъ раскрылъ моральную сторону закона, указавъ, — въ чемъ должна состоять нравственная жизнь человѣчества, и научилъ какъ должно судить напр. объ убійствѣ. То, что Онъ открылъ новыя правила нравственности, толкуя Моисеевъ законъ, и въ этомъ отношеніи явился не только хорошимъ толковщикомъ, но и законодателемъ, заставляетъ признать, что никто справедливѣе и не могъ приложить къ жизни этихъ правилъ, которыя Онъ указавъ, какъ Самъ Онъ. Наконецъ, неограниченное право суда надъ человѣчествомъ принадлежитъ Ему по самому Его назначенію. Онъ пришолъ страданіями своими искупить людей, и въ этомъ состоятъ Его безпредѣльныя заслуги для человѣка: но, какъ подтверждаетъ даже простой опытъ человѣческій, благодѣтель всегда получаетъ моральное право надъ облагодѣтельствованнымъ. Такимъ образомъ, право суда надъ человѣчествомъ, понятое раціональнымъ образомъ, неоспоримо принадлежало

Иисусу Христу, и теперь понятно — могъ ли Онъ отпускать грѣхи? Онъ имѣлъ право вязать, и имѣлъ право рѣшать.

Нельзя невидѣть еще основанія, по которому Иисусъ Христосъ прощать грѣхи. Разсуждая строго юридически, судъ обязанъ дознать преступленіе во всей точности и приложить къ дѣлу законъ, т. е., опредѣлить бѣльшую или меньшую мѣру наказанія во всей строгости, но миловать судъ самъ по себѣ не можетъ. Для этой цѣли должна быть высшая моральная сила, которая возвышается надъ судомъ и не обязывается ему. Въ цивилизованномъ государствѣ это право помилованія принадлежитъ верховной власти. Такъ точно и при помилованіи грѣшницы, Иисусъ Христосъ является не столько въ качествѣ Судии, сколько въ качествѣ Искупителя. Безпредѣльна жертва искупленія, принесенная Имъ, непредѣльна должна быть въ Немъ и сила помилованія.

Какимъ образомъ усердіе, которое проявила женщина къ Иисусу Христу, могло служить основаніемъ, чтобы простить ей всѣ грѣхи, тѣмъ болѣе, что и самые знаки, въ которыхъ она высказала усердіе, не велики? Фарисеи такъ и разсуждали, — и изумлялись, что Иисусъ Христосъ, считающій себя праведникомъ; довольствуется этими знаками усердія, и мало этого — еще прощаетъ грѣшницу. Здѣсь открывается мѣсто для сопоставленія юридической стороны съ чисто психической. Если этотъ фактъ — усердіе грѣшницы къ Иисусу Христу — отдать на судъ формально юридическій, этотъ фактъ не оправдать бы женщины; на этотъ разъ юридическая сторона была удалена, ибо здѣсь по самому разумному взгляду юридическая сторона стоитъ виѣ; этотъ фактъ есть моральный, но какъ моральный онъ всегда имѣетъ основаніе свое внутри человѣка; поэтому чтобы судить о преступленіи человѣка и о томъ, какъ заглаживается оно, для этого мало быть юристомъ, а главное — надобно быть психологомъ. Если бы мы видѣли женщину — какъ она проявляла усердіе, если бы мы увидѣли, что въ этой женщинѣ таится то, что заставляетъ помиловать ее, — горитъ та искра, которая воспламеняется въ ней при Иисусѣ

Христѣ, и таится такая сила, которая при известныхъ условіяхъ можетъ направить ея душу на другой путь: что мы тогда сдѣлали бы? Вотъ что нужно бы знать судѣѣ.—Если ее простить, то это значило бы ослабить силу суда,—подать поводъ другимъ грѣшить; съ другой стороны, если не прощать ее, то можетъ случиться, что она окончателно погибнетъ,—юридическая суровость могла бы совершенно подавить въ ней ту искру добра, которая таилась въ ней. Но Іисусъ Христосъ простилъ ее, и такимъ образомъ явился не только Судѣей, но и величайшимъ психологомъ:—Онъ не обратилъ вниманія на высшее ея усердіе, но проникъ въ ея душу и оцѣнилъ ея внутреннюю сторону.

Прощая блудницу, Іисусъ Христосъ поступилъ не по правдѣ законной, а по правдѣ высшей. Что должно судить? фактъ ли, или человѣка? По правдѣ высшей, или евангельской, надобно судить человѣка; но этого никакъ не могла добиться правда, судившая до Іисуса Христа,—законъ Моисеевъ судилъ по фактамъ. И чтобы судить самого человѣка, его нравственную жизнь, —для этого должны быть положены новыя основанія, новая идея правды, осуществленіе которой и показалъ Іисусъ Христосъ на Себѣ;—Онъ всегда смотрѣлъ въ человѣка, а не на его дѣйствія. Слишкомъ много можетъ быть обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ человѣкъ совершаетъ крушыя преступленія;—но все таки онъ совершаетъ по ошибкѣ и не всегда, какъ результатъ нравственнаго состоянія. Человѣкъ, положимъ, воръ: въ душѣ его такъ сложилось, что онъ при всякомъ случаѣ украдетъ; но можетъ быть, по обстоятельствамъ или по собственной волѣ, такъ устроилась его жизнь, что фактъ нисколько не свидѣтельствуетъ о внутренней его жизни. Такъ напр. нерѣдко можемъ встрѣчать такіе случаи,—украсть человѣкъ, вовсе не расположенный красть. Отсюда-то и выясняются основанія правды высшей, —христіанской. Съ этой стороны понятно то, какимъ образомъ не смотря на букву закона и на вину обстоятельствъ Іисусъ Христосъ нашолъ возможность извинить или простить

блудницу. Само собой разумѣется, что эта правда, когда ниспадаетъ въ руки людей, не можетъ быть выполнена въ совершенствѣ, и никакъ нельзя ручаться, чтобы эта идея высшей правды была выполнена на судѣ человѣческомъ. Вотъ высшая форма суда человѣческаго — судъ присяжныхъ; онъ имѣетъ ложныя основанія, ибо онъ привязанъ исключительно къ фактамъ, рѣшаетъ то, что по суду высшей правды составляетъ самую ничтожную долю правды. Даже и въ томъ отношеніи, когда судъ обращаетъ вниманіе на внутреннюю жизнь, онъ никогда не можетъ быть совершенъ, — понятно почему: — судья-человѣкъ никогда не можетъ видѣть внутренней жизни обвиняемаго. Такимъ образомъ судъ Иисуса Христа былъ выше суда человѣческаго. Онъ опредѣляетъ участь человѣка не по внѣшнимъ даннымъ, а по внутреннимъ, — видитъ, что остается въ человѣкѣ-преступникѣ: если добраго — больше, чѣмъ сколько преступленія, онъ прощается; если меньше, — извиняется, потому что въ послѣднемъ случаѣ, хотя находится въ человѣкѣ и одно сѣмя добра, но по суду высшему и оно рѣшаетъ дѣло въ пользу человѣка. Задача высшей правды, уничтожая зло, спасать человѣка. Жизнь человѣка, разсматриваемая со стороны юридической, психологической и исторической, показываетъ, что способствуетъ къ возвышенію добра, — кара ли зла, или поддержка самаго добра? Когда жизнь человѣка будетъ возвышаться, — тогда ли, когда развивается добро, или когда уничтожается зло?

Въ данномъ случаѣ Иисусъ Христосъ видѣлъ въ блудницѣ сѣмя добра, увидѣлъ это сѣмя въ любви. Онъ цѣнилъ эту любовь не по внѣшнему усердію, въ которомъ она выражалась, а по степени ея внутренней силы. И, разсуждая по человѣчески, нельзя не видѣть, что эта женщина имѣла силу духа, великую преданность и любовь къ Иисусу Христу, потому что она, не смотря на то, что пользовалась всеобщимъ презрѣніемъ, не смотря на то, что вращалась въ обществѣ фарисеевъ, не смотря на всѣ внѣшнія обстоятельства, она

приходить къ Иисусу Христу, — чѣмъ влекомая? любовью. Такова была сила ея любви.

Извѣстно, что въ психическомъ отношеніи не можетъ быть силы болѣе крѣпкой и возвышенной, какъ чувство любви; извѣстно, что это чувство, даже не на высокой степени своего напряженія, дѣлаетъ чудеса. Душу растроянную сила любви приводитъ въ гармонію, и приводя въ эту гармонію, сообщаетъ ей нравственное могущество, по которому она возвышается надъ собой. Самый безнравственный человѣкъ, при этомъ чувствѣ, бываетъ способенъ на хорошія дѣла. Съ этой стороны замѣчательны попытки, которыя можно назвать психологическими и моральными вмѣстѣ, попытки — представить человѣка возрождающимся нравственною силою — собственной любви безъ поддержки свыше. Извѣстно, у Гёте въ Фаустѣ Маргарита спасается силою любви, — и при помощи этой силы возносится на небо. Героини Жоржъ Занда, преступныя и безнравственныя, когда попадаютъ на эту дорогу, возвышаются до такой степени, что дѣлаются добродѣтельными. Правда, тутъ много фальши, — именно въ томъ, будто человѣкъ можетъ спастись самъ по себѣ, но при всемъ томъ мысль эту въ психическомъ отношеніи нельзя назвать несостоятельною. Иисусъ Христосъ когда прощаль грѣшнику, — *яко возлюби много*, видѣлъ эту силу, когда она могла развиться въ ней и направить ее на новый путь. Даже и въ тотъ моментъ, когда эта женщина только еще появляется ко Христу, уже видно, какъ ея душа была настроена къ добру, что она и выразила въ тихой преданности и упованіи на милосердіе Христа. Смотри на эту женщину, Иисусъ Христосъ, даже какъ человѣкъ, не могъ не замѣтить, что она отсель будетъ иною женщиною. Но съ этою силою любви встрѣтилась здѣсь другая сила — любовь божественная. Когда должна была осуществиться идея спасенія человѣка посредствомъ любви, — эта любовь должна была выразиться въ томъ, чтобы идти на встрѣчу любви человѣка: и если что дѣлала послѣдняя, то

дѣлала при помощи Божественной любви. Любовь же Божественная въ томъ и должна была проявиться, чтобы возбуждать любовь человѣческую ¹⁾).

(Мысли эти записаны и сообщены преподавателемъ новгородской духовной семинаріи *И. П. Пеньковскимъ*).

¹⁾ Этой лекціей (5 октября 1866 г.) преосвященный Іоаннъ закончилъ свое чтеніе въ нашей академіи: онъ былъ перемѣщенъ на смоленскую епархію. Изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1864 году предъидущему т. е. XXVI курсу, мы могли достать только одну: о «Всѣдѣ Ісуса Христа съ Никодимомъ»; эта лекція напечатана въ 27 № «Церковнаго Вѣстника». Редакція проситъ бывшихъ студентовъ XXVI-го курса доставить ей записи лекцій покойнаго преосвященнаго, если онѣ у кого нибудь изъ нихъ сохранились. Съ своей стороны она обѣщаетъ печатать оныя—не безъ достаточнаго воз награжденія.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки